

**Если выкинуть собрался
Что-нибудь из головы,
Погляди сначала, нет ли
Рядом маленьких детей**

Григорий ОСТЕР:

**Я завел детей
не потому, что я —
детский писатель**

Григорий Остер не любит, когда его называют классиком. «Вот когда я умру, пройдет лет сто, а мои книги все равно будут читать, наверное, тогда определение «классик» будет уместным». Сейчас он называет себя модным писателем. Широкую известность Остеру принесли его «Вредные советы», появившиеся в бурном 90-м. Но еще раньше он написал множество детских книг («Котенок по имени Гав», «38 попугаев», «Легенды и мифы Лаврового переулка», «Петька-микроб»), пьес и сценариев к мультфильмам. А еще у Григория и его супруги Майи пятеро детей. И большие творческие планы. У Остера ни минуты свободного времени. Он не против ужина («если это не реклама каких-нибудь продуктов!»), но наши переговоры продолжаются месяца полтора. «Только сорок минут!» — умоляю я. Ура-ура! Мне назначают встречу. За сорок минут нашей беседы на просторной кухне в старом доме на Маяковке мы выпиваем по две чашки — модный писатель — кофе, ваша корреспондентка — чай. Ужин легкий — светлые мысли.

— А как понравиться ребенку?
— Когда я стараюсь сохранить в детях то, что в них есть, — им это как раз и нравится. Я из них ничего не вышибаю, не пытаюсь заменить то, что в них есть. Я, наоборот, объясняю ребенку, что то, что в нем есть, — это прекрасно. А человеку всегда приятно, когда ему делают комплименты.
— Расскажите про своих детей. Сейчас как-то не очень модно иметь их сразу пять, в этом есть даже что-то героическое.
— Я не хочу сказать, что я их сделал

обдуманно и нарочно. Это как бы получается естественным образом и само собой. У меня две волны детей. Одни совсем взрослые, другие — маленькие. Взрослым с нами общаться неинтересно. Мы им не очень-то и нужны на этом этапе.

— А до какого момента нужны?
— Где-то лет до 13—14, а потом опять становимся нужны лет в 30. А первой волне 17, 18, 19. И родители в этот момент — абсолютно лишние вещи. Как хвост, который вот-вот должен отвалиться, и ждешь, когда же он наконец отвалится и можно будет слезть с дерева. А маленьким мы нужны конкретно сейчас. Поэтому нам с женой грустно, что мы не можем уделить детям столько времени, сколько хотели бы, хотя мы не можем отказаться и от своей работы, она тоже доставляет удовольствие.

— А чем занимается сейчас «первая волна»?

— Дочка моя Лия рисует замечательно. Она высококлассный художник, профессионал. Но опять же в силу возраста она находится сейчас в таком состоянии, что ей трудно рисовать на заказ. Она хочет рисовать для себя, самовыражаться. Она еще не умеет совмещать эти вещи. Другая дочка, Катя, учится в Школе-студии МХАТ на художника-постановщика, сын Саша поступает в РКГУ.

— Григорий, как повлияла ваша литература на детей, а появление детей на ваши произведения?

— Это две совершенно разные вещи. Я ведь начал писать для детей, когда у меня никаких детей не было. И, как сами понимаете, завел детей не потому, что я — детский писатель. Это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Дети — отдельно, литерату-

решка, тогда будем читать!».

— Какая сейчас ситуация в детской литературе? Ваш взгляд изнутри.

— Сейчас она станет слабее. Ведь все детские писатели пришли в детскую литературу из-за того, что не могли публиковать свои взрослые произведения и надеялись, что на этом участке фронта цензура будет не так крута. Сейчас можно свободно трудиться в любой области.

— А компьютер? Не может ли он составить конкуренцию книге?

— Конечно, нет! Когда детские книги будут жить в компьютере, они не перестанут от этого быть детскими книгами. А детская книга в компьютере на лазерном диске — это вещь, которую компьютер может читать ребенку. Компьютерные игрушки сегодня — это еще не искусство. Потом приходит день, наплаывается количество, количество переходит в качество. Так же, как кино: когда оно появилось, то не было искусством. Театр был, а кино считалось дешевой развлекалкой. То же самое и тут. Компьютер и книга — не враги! Это, наоборот, одно целое.

В этот момент няня приводит маленького Никиту. Загорелый, с замечательной прической, белокурый Никита тут же начинает бегать вокруг нас и делиться новыми впечатлениями. Мудрый отец Остер очень доходчиво объясняет ему все выгоды его краткосрочного исчезновения сейчас и обещает радость общения после. Никита соглашается.

— А как произошла ваша «встройка» в капиталистическое общество?

— Я вошел в капитализм еще раньше, чем он наступил. Я начал серьезно заниматься литературой в 75-м году. В этом году мне исполняется 50 (27 ноября. Не забудем поздравить любимого автора! — Я.С.). Хотя некоторые думают, что я старше. Потому что в учебнике «Родная речь», который изучают в школе, почему-то написано, что я родился в 23-м году. И я даже собирался подать в суд на издательство «Просвещение», которое нанесло мне огромный моральный ущерб: большое количество девушек, хоть и говорили, что я прекрасное выглажу, тем не менее мне отказали. Так вот! Так вот... про что это мы?

— Про встройку!

— За книги и фильмы деньги платило государство. А меня, независимо от того, интересовали они публику или нет, кормили пьесы. Мои пьесы шли многие годы в большом количестве театров. В Театре Образцова и в сотне театров по городам. Билеты там были по 30 копеек, и я получал гроши, но к 82—83-му году мой заработок составлял где-то 400—500 рублей в месяц. Огромные деньги! Я чувствовал себя богатым человеком и гордился тем, что деньги эти я получал не от государства, а от тех людей, которые пришли на спектакль.

Весь разобитый и во всхлигах на кухне снова возникает Никита:

— Скажи Маше, что ты не будешь играть с Машей первой! — захлебываясь, произносит он.

— А что вас радует в окружающей действительности?

— То, что она все еще существует. Окружающая действительность — это такая хрупкая вещь, что само ее существование я рассматриваю как доказательство существования Божьего. Если высчитывать вероятность того, что все давным-давно должно было развалиться, разломаться, уничтожиться...

— В масштабах этой страны?

— В масштабах всего. Я имею виду конкретные вещи, а не заумную философию. Даже если взять все вас и ваших предков и ту зверюшку, из которой мы все когда-то произошли. И посмотреть, сколько раз эта зверюшка попадала в беду и сколько раз она чудом избегала гибели и сколько вокруг нее погибло других точно таких же, как она. Если все это посчитать математически, то получается, что ваше существование и есть доказательство Божьего присутствия. Это чистое чудо.

Яна СОКОЛОВА
Фото Лены ОРЛОВОЙ

Вс. Маша — 1997 — Остер — С.К.